

Павел ГРИНБЕРГ

ВСЕСЛАБЫЙ СВЕТ

Сентябрь 2022 – февраль 2023

Редкие тени в час длинных теней

Моё место малоизвестно. Широка здешняя асфальт.
Движения мало что меняют.
только я могу это проговорить; только я –
услышать.

Так бывает вечерами чччччзрелого лета. Когда
Сам сгустившийся свет берётся напомнить:
с нами подвиг неприметности, и места, где
мы обитаем, – непроговорённые. И места,
где мы обитаем, – как же это похоже на
детство. Нет музыки проще.

Такой был ветер, дрожащее оконное стекло,
чуть искривляясь, путало всё, что за окном.
И мы задёргивали шторы.

На тумбе у нас всегда лежит раскрытая
книга – на том месте, где мы остановились.
Всеслабый свет сопровождает нас.
Мы думали, всё это спасено. Мы верно думали?

Одни движутся
другие дрожат
третьи смещаются плавно

Павел Гринберг родился в 1994 году в Ульяновске. Публиковался в онлайн-журнале «Топос», на порталах «Полутона» и «Новая карта русской литературы». Призёр Санкт-Петербургского поэтического конкурса «Критерии свободы» имени Иосифа Бродского (2014). Живёт в Санкт-Петербурге.

широк асфальт. мы рассказываем такие
истории, которые никто не запомнит.
прости, я не буду больше ни героем,
ни повествователем.

вспомни, как финский архитектор строит
дом, похожий на окружный лес.
вспомни, как ветер смахивает последние
листья, диктуя простор и листьев
незаметность – на общую свободу.

Тебе не быть стеной, ты пропускаешь.
Тыловишь бесцельную подлинность,
которая того не стоит.

я отрекаюсь от обособленного вещества своего голоса
я голос пускаю на ветер
я голос и ветер сплетаю
я продиктую, раздиктую
семнадцать слов, записанных сначала
сетку теневую дворовых футбольных ворот

Помнишь заповедник? Лошади ходят
свободно, их отпускают. Мы что-то ловим
там. Необязательность, устойчивую
лёгкость, похожую на безвременье.
Долгую тень

я тише
я тише избываю и делаю мало. ждать
солнечным днём кого-то на скейт-площадке.
Окружные пустыри застраиваются
и остаются пустырями
верны себе
полям верны
верны вернотекущим подземным рекам

всё это проживаемо – не прожито
единственновременно
остальное – дело фокуса и стиля

тогда себя не надо помнить
на том стоим
на том мерцаем
стена эта некрепка
стена эта никуда не денется

Куда ты, скейтер, возвращаешься?
На площадке ты так долго был один

и не шевелился.
Была светла погода, как теперь.
Там, где ты был, и там, куда возвращаешься,
теперь никого нет, и ты не спешишь.

вёдро несобранного света
светят ранние ягоды
озеро видит
ветер говорит куда смотреть
сплетающимся утром
мы тут живём своей свободой
своей большой усталостью
за ней с вёдрами ходим

предвосхищая неизмение
подчувствуя его
всё предыдущее было репетицией
теперь идёт запись альбома

заботливая изгородь
кормящаяся изморозь
не забеди дом
придавливая тающий на кровле лёд
крышу не прохуди
дай неподвижному тобой напиться

все одновременно выходят в эфир
и что-то стримят
никто не смотрит
но каждый прислушивается

«...которое есть сама любовь...
пока текут... светит пока...»

молчали с ним семь дней
прежде чем заговорил и почти сразу замолчал

обвалившиеся стены дома всегда буду носить с собой
по крайней мере
так будет казаться

а тем временем
напитанные памятью леса городские
набрасывая кольца на древесные стволы
не побеждая но молча уверенно

тем временем
омудрившие раны разбившихся окон
не зыркали больше а в камни
запомнили игры блестящих осколков

такие теперь в виды
с самого фундамента
благо дом был на детинной холмогоре

теперь все
гуляют вещают на ветер теперь насыщение дома

Larix decidua

там растёртая точность наполненности воздуха
наполненностью воздухом
это моя самая медленная прогулка
медленнее уличной пыли
медленнее двухэтажек старого квартала
естественно неспешен
равноясен окружающему естеству

унеси меня здесь ненадолго
на малость
на хвойный иголочный свет
продли и растушуй

всякий раз когда
всякий раз когда я осваивал новые места, они уже хранили
свою подзабытость, оставленный воздух

сады, на месте которых отец выстроил дом
подковы их, следы солдатских кирзачей
дом купца, где стыдливо цвела моя школа
его заброшенные службы
превращённый в городской парк сад соседа его
двадцать лет стоявший заброшенным, только после начавший
вращивать пионеров

грунта молчаливость
трав молчаливость
липовая молчаливость
долгих дней красноречие

моей коже доверена их исчезнувшесть
моим глазам
прах этих взоров этой слепоты
по праву плода отрасли адамовой
толкущего адамов корень
доверено их разыменовать
разыменоваться следом

это в тебе говорит рефлекс времени,
его механическая память
сухая кора подрагивает на ветру

кого теперь обманываю я

на скольких языках ты говоришь

я на одном и то не очень ясно

это ничего ты сможешь поднабрать когда понадобится

*в действительности может не понадобится
не лишай меня бесцельности*

*ты сам себя таким макаром приковал
к опасному некомфортному пространству
теперь смотри
вот тебе пепел
повторяй за ним
вот тебе город-пепел не уходи остановись*

*я пробовал остановиться столько раз
но каждый до конца не верил в необходимость этого
просто ищу одно повторяющееся действие
в котором примирён
не помню какое
вперёд вернуться
высвободить пепел
мудрый парень говорил что отсутствие*

*мышления для него синонимично смерти
а для меня? я не уверен
но мудрый парень любил того кто утверждал обратное
и стремился освободиться
а я стремлюсь? не думаю
вот этот голос он не в ноту и он это знает*

покровная нежность
полупрозрачность
первого снега
полузаметность
полусерьёзность

Дом делает шаг назад
уступая зелени у дома
шаг назад в поклоне
твоё естество делает шаг назад
в прошлый год
в прошлое воскресенье
в начинающиеся цветы
ты убеждён неназванная птица
зависла на полвзмаха у окна
сколько можно ждать свежую поросль
свистка начала
беззвучный синий самолёт
в плотнеющем воздухе
ты заметил его в последний момент
за птичьим гнездом
на полублетевшем дереве

Вот она на кленовом листе
со всеми его жизневодными прожилками,
со всеми токами

Вот она на бумажном листе
чистом, цвета бивня,
сцепленного с другим таким же бивнем

вот излучина воздушного тока
моментом зноя

вот запястья ток
медовая кривая

вот уже
предчаяние плёса

Постой на фишке, пока я перелезу через забор и баллончиком с той стороны на заборе начертаю. Но с той стороны никто не увидит, и река не увидит (забор ограждает необитаемую набережную). Да; но ускользящее от прочтения письмо нас немного продлит и всё вокруг на мгновение замедлит, на миллисекунду; мне не придумать миссию проще. Проще подскажу: перелезай, но баллончик не бери с собой; сей текст широк, пускай таким и будет.

Приходящий с того берега,
неотрывно на тот берег смотрящий.
(Нам отворили двери и возобновили их.)
Боль боли рождает ясность и тепло.
У реки живущий указывает:
река длится, начинается.

Atomos

жёлтые детали на одежде и в фонарном свете
скейт-парк – на лёгкость проживаемую – ведёт в
темноте к яхтенной косе
взгляд выскальзывает к панелькам на другом берегу –
как было в подстрочнике – безмолвно и очень быстро
–

Полотенце в дорогу *обнаруженные плачи*

1. Непонятны нам лица друг друга с сегоднего мрака
постенаю себя в неурочное время по солнцю
белотканная квилль старика облекла нашу поцову красность

кумошит нам нечистую юность, и добре, и тише
верно, мати нам общая, ты мне ровно велела рыдеть одному
верно, цвилишься с лесом по мне
мы стенаем себя, сподвигаясь друг другу навстречу
вершок за вершком

2.

Исчисли ячмень, прораставший к чистейшему лесу
числяй зорней квилью, ногтями крупницы отмеривай птичьей мерой
птенцовые горсти рассеивай в воздух, как старческой памяти холод
как поцы дряхлели, чтоб их стало можно развеять
исчисли барыш на всю хижу [.....]
птенци здешней хижи, сожгите со всей возможной нежностью
сожгите слова незакрытые, звуки, не ставшие родными, тоже сожгите
рассыпьте на воздух остывшие [.....]
простите парящих родителей, вышедших в санки, в зимы истечение
старушечью кропкость их общую разом просыпьте, примерьте
родимица птичья, исчисли по хиже ячмень

3.

Снаряжается в путь слабый путник с утрици
подают ему бабки рубаху грядущего первого снега
подают ему бабки надёжную трость, камышову тростинку
не забудут отдать ещё лодку для сна, что озёрною рыбой составлена
будит путника хижка к порогу и в угол похаживать первую дорогу
будит квилью поселю озираться да выхватить матину квиль бела воздуха
собирается в яловци странник [.....] по-птичьи певают
на мегу притаилися яловци, топчутся в озере рыбьём
сложили для странника бабки записку, отдал чтоб родителю-матери
чернилами-слёзами сложена весть и положена в угол

4.

Я могу напоследок насытиться яркостью места
по мельчайшим крупницам, рассыпанным около хижи
по невидимым птицам, что замерли во воспитанье птенца
зацветает шафран у крыльца; пусть я больше не буду тебе, только дай
поприсутствовать рядом
пусть я больше не слажу украдкой на крышу – то ль зырить на реку, то ль
зыркнуть, не видно ль гостей,
этот двор всё равно начинание целого мира, которому имя почти я успел
досложить
и река образцом и чертами переднаправления
и холмы эти тёплые, эта вся животворящая тишь
о простите и дякую дуже; во всякой дороге
изъяснюсь я на том языке, что был вами заложен
видя яловци всяки, по ним ориентируясь в тропах
ориентиры неясные ваши поставлены там повсеместно

5.

Касаются крыльев склонявшихся руки, вертайте на воздух
решительный странник, прими белоткань полотенця
научены квилью родителей всякому путнику
собрались все бабки окрестны, убрусами главы повязаны
украшены сани холстом белотканым наглаженным
на мягкость пути по последнему снегу ещё полотенцю
полотенцю повяжем на деревце, яловец будет с тобою бредущим
устлали нам птичьи крылья дорогу, чтоб мы не кумошились горько
мы хвойною яловця веткой помашем на долго прощание
неси свою белую весть о названии дома названию леса и мега
держи полотенцю покрепче, но если вдруг чё, мы ещё принесём
иди же, ступая тоскою домашних холмов и реки по тебе, по твоим зали-
пущим шагам

6.

Как мягко окно, устелённое сем полотенцем
как тропообразно раскрыто, а ход утвердительно верен
садимся за стол, побеседуют слёзы [.....]
[.....] проросших на чистую память, на всё почитание птиц
по образу крыльев, питающих полые кости
наполни родительску хижу, где светло так цвилится наше начало
и в сердца нам квиль положёна, и жисть на остаток звучания
пускай устроитель кормления нашего выйдет
до сладкого кушанья, нас оставляя друг с другом делиться
пускай по дороге на мег он погладит родимый порог
пускай он безмолвно прошепчет свой трепет порогу густому
а мы перешагивать станем наш добрый и нежный порог
хороший порог драгоценный, о, зёрна начальных шагов прорастают
на наше топориком тёсано слово богатое
почти-название детских слогов, стоя рядышком с милым порогом